А. ВЕРТИНСКИЙ

ПЕСНИ И СТИХИ

1916-1937

Александр Вертинский

Песни и стихи

1916—1937

Книгоиздательство книжного магазина Виктора Камкина.
Г. Вашингтон, США. 1962.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei, München-Allach,
Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany.

Александр Вертинский

Песни

А. Вертинский

"DANCING GIRL"

Это бред. Это сон. Это снится...
Это прошлого сладкий дурман.
Это Юности Белая Птица
Улетевшая в серый туман.

Вы в гимназии. Церковь. Суббота.
Хор так звонко весенне поет...
Вы уже влюблены, и кого-то
Ваше сердце взволнованно ждет.

И когда золотые лампады
Кто-то гасит усталой рукой,
От высокой церковной ограды
Он один провожает домой.

И весной и любовью волнуем
Ваши руки холодные жмет.
О как сладко отдать поцелуям
Свой застенчивый девичий рот.

А потом — у разлапистой ели
Убежав с бокового крыльца
С ним качаться в саду на качели
Без конца, без конца, без конца...

Это бред... Это сон... Это снится...
Это юности сладкий обман,
Это лучшая в книге страница
Начинавшая жизни роман.

II

Дни бегут все быстрей и короче
И уже в кабаках пятый год
С иностранцами целые ночи
Вы танцуете пьяный фокстрот.

Беспокойные жадные руки
И насмешка презрительных губ,
А оркестром раздавлены, — звуки
Выползают как змеи из труб . . .

В барабан свое сердце засунуть! . .
Пусть его растерзает фокстрот! . .
О как бешенно хочется плюнуть,
В этот, нагло смеющийся рот! . .

И под дикий напев людоедов,
С деревянною маской лица,
Вы качаетесь в ритме соседа
Без конца, без конца, без конца . . .

Это бред. Это сон. Это снится,
Это чей-то жестокий обман.
Это Вам подменили страницы
И испортили нежный роман.

Yang-Tze-Kiang
Великая Голубая Река
Китай, 1937.

А. Вертинский

О НАС И О РОДИНЕ

Проплываем океаны
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски.

И никак понять не можем
Что в сочувствии чужом
Только раны мы тревожим
А покоя не найдем.

И пора уже сознаться
Что напрасен дальний путь
Что довольно улыбаться
Извиняться как нибудь.

Что пора остановиться
Как-то, где-то отдохнуть
И спокойно согласиться
Что былого не вернуть.

И еще понять беззлобно
Что свою, пусть злую, мать,
Все же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.

А она цветет и зреет
Возрожденная в Огне
И простит и пожалеет,
И о Вас и обо мне!..

Калифорния. Май 1935.

ИГУМЕНЬЯ

Хрупкая игуменья в полутемной нише,
Маленькая женщина с четками в руке
В этой церкви сводчатой, Вы не стали выше
Даже в этой мантии, даже в клобуке . . .

Справа посох траурный с голубым сапфиром
Плачут свечи тонкие, и звенят слова . . .
Маленькая женщина, Вы порвали с миром,
Только память прошлого — все еще жива . . .

И когда устанете Вы, следить за хором,
И когда утратится, символ слов святых,
Вы спокойно ищете утомленным взором,
Юного Угодника в латах золотых . . .

Он похож, не правда-ли? Только тот был выше!
Маленькую женщину поднимал шутя!
И склонясь на посох свой в полутемной нише
Хрупкая игуменья — плачет как дитя . . .

С. Рамм

РЕВНОСТЬ

Забыв про бал, забыв про дом
Мы ездим целый час...
Чудесна ночь, но мы втроем
И я ревную Вас!..

Как он спокоен и речист!..
А я тупею злясь.
Пусть Вы моя, пусть он и чист,
Но я ревную Вас!..

А отчего, — не знаю сам
Рассудок мой угас.
Он просто наклонился к Вам
А я ревную Вас!..

И так мы едем, речь ведем
А чей-то плачет глаз!..
Я верю Вам, но мы втроем
И я — ревную Вас!..

PICCOLO BAMBINO

Вечерело. Пели вьюги.
Хоронили Магдалину,
Цирковую балерину.
Провожали две подруги
Две подруги — акробатки.
Шел и клоун. Плакал клоун,
Закрывал лицо перчаткой.

Он был другом Магдалины
Только другом не мужчиной,
Чистил ей трико бензином,
И смеялась Магдалина
Ну какой же ты мужчина?
Ты чудак, ты пахнешь псиной!
Бедный Piccolo Bambino . . .

II

На кладбище.
Снег был чище
Голубее городского.
Вот зарыли Магдалину
Цирковую балерину.
И ушли от смерти снова . . .

Вечерело. Город сник
В темной сумеречной тени.
Поднял клоун воротник,
И упавши на колени
Вдруг завыл в тоске звериной.

Он любил . . . Он был мужчиной,
Он не знал, что даже розы
От мороза — пахнут псиной,
Бедный Piccolo Bambino!!

В СИНЕМ И ДАЛЕКОМ ОКЕАНЕ

Вы сегодня нежны,
Вы сегодня бледны,
Вы сегодня бледнее луны . . .
Вы читали стихи
Вы считали грехи
Вы совсем как ребенок — тихи.

Ваш лиловый аббат
Будет искренно рад
И отпустит грехи наугад . . .
Бросьте-ж думу свою,
Места хватит в раю
Вы усните а . . . я Вам спою.

В синем и далеком океане
Где-то возле Огненной земли
Плавают в сиреневом тумане
Мертвые седые корабли.
Их ведут слепые капитаны
Где-то затонувшие давно

Утром их немые караваны
Тихо опускаются на дно.
Ждет их океан в свои объятья
Волны их приветствуют звеня
Страшны их бессильные проклятья
Солнцу наступающего дня . . .

Борис Даев

МАТРОСЫ

Матросы мне пели про остров.
Где растет голубой тюльпан.
Он большим отличается ростом
Он огромный и злой великан.

А я пил горькое пиво.
Улыбаясь глубиной души
Так редко поют красиво
В нашей земной глуши.

Гитара аккордом несложным
Заливала пробелы слов —
Напомнила неосторожно
Что музыка — как любовь.

А я пил горькое пиво
Улыбаясь глубиной души,
Так редко поют красиво
В нашей земной глуши.

Смеялись вокруг чьи-то лица
Гитара уплыла вдаль,
Матросы запели про птицу,
Которой несчастных жаль

У нее стеклянные перья
И слуга — седой попугай,
Она открывает двери
Матросам, попавшим в рай!

Так трудно на свете этом
Одной только песней жить —
Я больше не буду поэтом
Я в море хочу уплыть . . .

А. Ахматова

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли . . .
«Тело у старого дуба нашли.

«Жаль королеву такой молодой . . .
«За ночь одну она стала седой!

Трубку свою на камине нашел
И на ночную работу ушел.

«Дочку свою, я сейчас разбужу
В серые глазки ее погляжу»!!!

А за окном шелестят тополя,
Нет на земле твоего короля . . .

ТАНГО МАГНОЛИЯ

В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поет и плачет океан,
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван.

В бананово-лимонном Сингапуре, в бури
Когда у Вас на сердце тишина . . .
Вы брови темно-синие нахмурив,
Тоскуете одна . . .

И нежно вспоминая
Иное небо мая
Слова мои, и ласки и меня,
Вы плачете Иветта,

Что наша песня спета,
А сердце не согрето без любви огня.
И сладко замирая, от криков попугая,
Как дикая магнолия в цвету.

Вы плачете Иветта
Что песня недопета,
Что это
Лето
Где-то
Унеслось в мечту!

В опаловом и лунном Сингапуре, в бури,
Когда под ветром ломится банан,
Вы грезите всю ночь на желтой шкуре,
Под вопли обезьян.

В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Запястьями и кольцами звеня,
Магнолия тропической лазури
Вы любите меня!

А. Вертинский

ПАЛЕСТИНСКОЕ ТАНГО

Манит, звенит, зовет, поет, дорога.
Еще томит, еще пьянит весна,
А жить уже осталось так немного
И на висках белеет седина.

Идут, бегут, летят, спешат заботы,
И в даль туманную текут года.
И так настойчиво и нежно кто-то
От жизни нас уводит навсегда.

И только сердце знает, мечтает и ждет,
И вечно нас куда-то зовет.
Туда, где улетает и тает печаль,
Туда, где зацветает миндаль.

И в том краю, где нет ни бурь, ни битвы,
Где с неба льется золотая лень,
Еще поют какие-то молитвы,
Встречая ласковый и тихий Божий день.

И люди там застенчивы и мудры.
И небо там, как синее стекло.
И мне, уставшему от лжи и пудры,
Мне было с ними тихо и светло.

Так пусть же сердце знает, мечтает и ждет
И вечно нас куда-то зовет.
Туда, где улетает и тает печаль,
Туда, где зацветает миндаль . . .

А. Вертинский

Я МАЛЕНЬКАЯ БАЛЕРИНА

Я маленькая балерина
Всегда нема —
И скажет больше пантомима,
Чем я сама.

И мне сегодня за кулисы
Прислал король
Влюбленно — бледные нарциссы
И лак фиоль.

И затаив бессилье гнева,
Полна угроз,
Мне улыбнулась королева
Улыбкой слез.

А дома в маленькой коморке
Больная мать.
Мне будет бальные оборки
Перешивать

И будет штопать, не вздыхая
Мое трико.
И будет думать, засыпая,
Что мне легко.

Я маленькая балерина
Всегда нема —
И скажет больше пантомима,
Чем я сама.

Но знает мокрая подушка
В тиши ночей —
Что я усталая игрушка
Больших детей . . .

А. Вертинский

ДЖИММИ

Я знаю Джимми — Вы б хотели быть пиратом,
Но в наше время это невозможно.
Вам хочется командовать фрегатом,
Носить ботфорты, плащ, кольцо с агатом
Вам жизни хочется опасной и тревожной.

Вам хочется бродить по океанам
И грабить шхуны, бриги и фелуки,
Подставить грудь ветрам и ураганам
Стать знаменитым, черным капитаном,
И на борту стоять скрестивши гордо руки . . .

Но, к сожалению . . . Вы мальчик при буфете
На мирном пароходе в «Гватемали»
На триста лет мы с Вами опоздали,
И сказок больше нет на этом скучном свете.

Вас обижает метр за допитый коктэйль,
Бьет повар за пропавшие бисквиты
Что эти мелочи — когда мечты разбиты,
Когда в двенадцать лет уже в глазах печаль!

Я знаю Джимми, если б были Вы пиратом,
Вы бы их повесили однажды на расвете
На первой мачте Вашего фрегата . . .
Но вот звонок и Вас зовут куда-то . . .
Прощайте Джимми — сказок нет на свете!

А. Вертинский

О МОЕЙ СОБАКЕ

Это неважно, что Вы — собака.
Важно то, что Вы человек.
Вы не любите сцены, не носите фрака,
Мы как будто различны, а друзья навек.

Вы женщин не любите, — а я обожаю.
Вы любите запахи, — а я нет.
Я ненужные песни упрямо слагаю
А Вы уверены что я настоящий поэт.

Иногда я домой прихожу на рассвете
Иногда пьяный, или грустный, иль злой
Вы меня встречаете нежно-приветливо
А хвост Ваш как сердце — дает перебой.

Улыбаетесь Вы — как сама Джиоконда
И если бы было собачье кино,
Вы были б «ведеттой», «звездой сине-монда»
И Вы-б Грету Гарбо забили давно.

Только в эту мечту мы утратили веру
Нужны деньги и деньги кроме побед,
И я не могу Вам сделать карьеру —
Не могу. Понимаете. Средств нет.

Вот так и живем мы. Бедно, но гордо.
А главное, — держим высоко всегда
Я свою голову, а Вы свою морду —
Вы конечно безгрешны, — а я без стыда.

И хотя Вам порой приходилось кусаться
Побеждая врагов и «врагинь» гоня,
Все же я, к сожалению, должен сознаться
Вы на много честней и благородней меня.

И кода мы устанем бежать за веком
И уйдем от жизни в другие края
Все поймут, — это ты была человеком
А собакой — был я.

А. Вертинский

СЕРОГЛАЗОЧКА

Я люблю Вас, моя сероглазочка,
Золотая ошибка моя;
Вы — вечерняя жуткая сказочка,
Вы — цветок из картины Гойя.

Я люблю Ваши пальцы старинные,
Католических строгих мадонн,
Ваши волосы сказочно-длинные,
И надменно ленивый поклон.
Я люблю Ваши руки усталые
Как у только что снятых с креста,
Ваши детские губы коралловые,
И углы оскорбленного рта . . .

Я люблю этот блеск интонации,
Этот голос звенящий хрусталь,
И головку цветущей акации,
И в словах голубую вуаль.

Так естественно, просто и ласково
Вы, — какую-то месть затая
Мою душу опутали сказкою,
Сумасшедшею сказкой Гойя . . .

Под напев Ваших слов летаргических
Умереть так легко и тепло,
В этой сказке смешной и трагической
И конец, и начало светло . . .

А. Вертинский

ПОЛУКРОВКА

Мне не нужна женщина. Мне нужна лишь тема
Чтобы в сердце вспыхнувшем — зазвучал напев
Я могу из падали создавать поэмы,
Я люблю из горничных — делать королев.

И в вечернем дансинге, как-то ночью Мая
Где тела сплетенные колыхал джасс бан
Я так нежно выдумал Вас — моя простая,
Вас — моя волшебница, недалеких стран.

Как поет в хрусталях электричество.
Я влюблен в Вашу тонкую бровь
Вы танцуете, Ваше Величество
Королева Любовь.

Так, в вечернем дансинге- как-то ночью Мая
Где тела сплетенные — колыхал джасс-банд,
Я так глупо выдумал, Вас моя простая
Вас моя волшебница — недалеких стран.

И души Вашей нищей убожество
Было так тяжело разгадать
Вы уходите . . . Ваше Ничтожество
Полукровка . . . Ошибка опять . . .

А. Вертинский

ИСПАНО—СЮИЗА

Ах, сегодня весна Ботичелли,
Вы во власти весеннего бриза.
Вас баюкает в мягкой качели
Голубая Испано—Сюиза.

Вы царица экрана и моды,
Вы пушисты, светлы и нахальны,
Ваши платья надменно печальны,
Ваши жесты смелы от природы.

Вам противны красивые морды,
От которых тошнит на экране . . .
И для Вас все лакеи и лорды
Перепутались в кино-тумане.

Идеал ваших грез — Квазимодо.
А пока его нет, Вы — весталка,
Как обидно, как больно и жалко
Полюбить неживого урода.

Измельчал современный мужчина,
Стал таким заурядным и пресным,
А герой фабрикуется в кино,
И рецепты Вам точно известны! . .

Лучше всех был раджа из Кашмира,
Что прислал золотых парадизов.
Только он в санаторьях Каира
Умирает от Ваших капризов.

И мне жаль, что на тысячи метров
И любви, и восторгов, и страсти,
Не найдется у Вас сантиметра
Настоящего, личного счастья.

Но сегодня весна беспечальна,
Как и все Ваши кино-капризы
И летит напряженно и дально
Голубая Испано—Сюиза.

А. Вертинский

ПЕС ДУГЛАС

В нашу комнату Вы часто приходили
Где нас двое: я и пес Дуглас,
И кого-то из двоих любили
Только я не знал кого из нас.

Псу однажды Вы давали соль в облатке,
Помните, когда он заболел?
Он любил духи и грыз перчатки
И всегда Вас рассмешить умел.

Умирая — Вы о нас забыли
Даже попрощаться не могли...
Господи, хотя бы позвонили!..
Просто к телефону подошли!..

Мы придем на Вашу панихиду
Ваш супруг нам сухо скажет «жаль»!..
И покорно проглотив обиду
Мы с собакой — затаим печаль.

Вы не бойтесь. Пес не будет плакать
А тихонечко ошейником звеня
Он пойдет за Вашим гробом в слякоть
Не за мной, а впереди меня!..

МАДАМ УЖЕ ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ...

На солнечном пляже, в июне,
В своих голубых пижама
Девченка — звезда и шалунья
Она меня сводит с ума.

Под синий berceuse океана
На желто-лимонном песке,
Настойчиво, нежно и рьяно
Я ей напеваю в тоске:

«Мадам, уже песни пропеты!
Мне нечего больше сказать!
В такое волшебное лето
Не надо так долго терзать!

Я жду Вас, как сна голубого!
Я гибну в любовном огне!
Когда же Вы скажете слово,
Когда Вы придете ко мне?»

И взглядом играя лукаво,
Роняет она на ходу:
«Вас слишком испортила слава.
А впрочем... Вы ждите... приду!..»

Потом опустели террасы,
И с пляжа кабинки свезли.
И даже рыбачьи баркасы
В далекое море ушли.

А птицы — так грустно и нежно
Прощались со мной на заре.
И вот уж совсем безнадежно
Я ей говорил в октябре:

«Мадам, уже падают листья!
И осень в смертельном бреду!
Уже виноградные кисти
Желтеют в забытом саду!

Я жду Вас, как сна голубого!
Я гибну в осеннем огне!
Когда же Вы скажете слово?
Когда Вы придете ко мне?!»

И взгляд опуская устало,
Шепнула она, как в бреду:
«Я Вас слишком долго желала,
Я к Вам . . . никогда не приду.»

А. Блок

У ВЫСОКОГО БЕРЕГА

У высокого берега, возле малой могилы,
В светлый день Благовещенья пели тихий псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Тихо разливалося пенье погребальное.
Кланялись березки у сухой межи.
И над вечной памятью, на слова печальные
Улыбались дальние васильки во ржи.

А. Вертинский

ПЕСЕНКА О МОЕЙ ЖЕНЕ

Надоело в песнях душу разбазаривать.
И с концертов возвратясь к себе домой
Так приятно вечерами разговаривать
С своей умненькой, веселенькой женой.

И сказать с улыбкой нежной, не заученной:
Ах, ты чижик мой, бесхвостый и смешной.
Ничего, что я усталый и измученный,
И немножко сумасшедший и больной.

Ты, не плачь, не плачь, моя красавица.
Ты, не плачь, женулечка-жена,
В нашей жизни все еще поправится!
В нашей жизни столько раз весна!

Чтоб терпеть мои актерские наклонности
Нужно ангельским терпеньем обладать,
А прощать мои дежурные влюбленности,
В этом тоже надо что-то понимать!..

И целуя ей затылочек подстриженный,
Чтоб вину свою загладить и замять,
Моментально притворяешься обиженным,
Начиная потихоньку напевать:

«Ты, не плачь, не плачь, моя красавица.
Ты, не плачь, женулечка, жена
В нашей жизни все еще поправится!
В нашей жизни столько раз весна!»

А потом пройдут года и Вами брошенный,
Постаревший, жалкий и смешной,
Никому уже не нужный и изношенный,
Я, как прежде, возвращусь к себе домой.

И скажу с улыбкой нежной, не заученной:
Здравствуй, чиженька, единственный и мой!
Ничего, что я усталый и замученный
Одинокий, позабытый и больной.

Ты, не плачь, не плачь, моя красавица!
Ты, не плачь женулечка, жена!
Наша жизнь, уж больше не поправится,
Но зато ведь в ней была весна!..

Ю. Зубовский

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Встретились случайно, где-то на концерте.
То, что было прежде умерло давно.
Ласковые письма в голубом конверте.
Это все забыто, все погребено.

Оба постарели. Он в обычном фраке,
И с каким-то горьким невеселым ртом.
А в лице застыли огневые знаки.
И она печальна, с золотым кольцом.

Все прошло, забыто, по дороге к смерти.
Путь земной так беден, одинок и сер.
Встретились случайно, где-то на концерте
Он ей поклонился и прошел в партер.

А. Вертинский

ТАНЦОВЩИЦА

В бродячем цирке, где тоскует львица,
Где людям весело — а зверям тяжело,
Вы в танце огненном священной Белой Птицы
Взвиваете свободное крыло.

Гремит оркестр и ярый звон струится
И где-то воют звери под замком
И каждый вечер, тот же сон Вам снится
О чем-то давнишнем, небывшем и былом.

Вам снится храм и жертвенник и пламя
И чей-то взгляд застывший в высоте,
И юный раб, дрожащими руками
Вас подает на бронзовом щите.

И Вы танцуете, колдунья и царица.
И вдруг в толпе, повергнутой в экстаз
Вы узнаете обезьяньи лица
Вечерней публики глазеющей на Вас.

И вздрогнув, как подстреленная птица
Вы падаете камнем в пустоту.
Гремит оркестр и ярый звон струится . . .
А Вас уже уносят в темноту.

Потом конец. И вот в другую смену
Выводят клоуна с раскрашенным лицом
Еще момент . . . и желтую арену
Как мертвеца — затягивают холстом.

Огни погасли. Спит больная львица
Дрожит в асфальте мокрое стекло,
И Вы на улице — на пять минут царица
Волочите разбитое крыло.

Данциг, 1933.

А. Блок

БУЙНЫЙ ВЕТЕР

Буйный ветер играет с терновником,
Задувает в окне свечу...
Ты ушла на свиданье с любовником —
Я снесу! я стерплю!.. я смолчу!

Ты не знаешь, кому ты молишься.
Он играет, он шутит с тобой.
О терновник холодный наколешься,
Возвращаясь назад, домой.

Все, что в мыслях твоих туманится, —
Станет ясным в моей тишине,
И когда он с тобой расстанется,
Ты вернешься опять ко мне.

Буйный ветер играет с терновником,
Задувает в окне свечу...
Ты ушла на свиданье с любовником, —
Я снесу! Я стерплю!.. Я смолчу!

МОЛИСЬ КУНАК

Молись кунак в стране чужой
Молись кунак за край родной . . .
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил.

Пускай теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны
Но верим, мы, настанет час
И солнца луч блеснет для нас.

Молись кунак, чтобы Господь
Послал нам сил все побороть,
Чтобы могли мы встретить вновь
В краю родном мир и любовь.

Я СЕГОДНЯ СМЕЮСЬ НАД СОБОЙ

Я сегодня смеюсь над собой . . .
Мне так хочется счастья и ласки,
Мне так хочется глупенькой сказки,
Детской сказки наивной, смешной.

Я устал от белил и румян,
И от вечной трагической маски,
Я хочу хоть немножечко ласки,
Чтоб забыть этот дикий обман

Я сегодня смеюсь над собой:
Мне так хочется счастья и ласки,
Мне так хочется глупенькой сказки,
Детской сказки про сон золотой . . .

И. Северянин

БРАЗИЛЬСКИЙ КРЕЙСЕР

Вы оделись вечером кисейно,
И в саду сидите у бассейна.
Наблюдая как лунеет мрамор
И проток дрожит на нем муаром
Корабли оякорили бухты;
Привезли тропические фрукты.

Привезли узорчатые ткани
Привезли мечту об океане
А когда придет бразильский крейсер
Лейтенант расскажет Вам про гейзер
И сравнит, но это так интимно . . .
Напевая что-то в роде гимна

Он расскажет о лазури Ганга
О проказах злых орангутанга
О циничном африканском танце и
О вечном летуне — Голландце
Он покажет вам альбом Камчатки
Где культура только лишь в зачатке.

Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей.
За Атлант мечтой своей зареяв
Распустив павлиньево свой веер
Вы к нему прижметесь в сладкой дрожи
Полюбив его еще дороже.

А. Вертинский

МИНУТОЧКА

Ах, солнечным, солнечным Маем
На пляже встречаясь тайком
С Лили мы как дети играем,
Мы солнцем пьяны, как вином.

У моря за старенькой будкой
Лили с обезьянкой шалит
Меня называет «минуткой»
И мне постоянно твердит:

«Ну погоди, ну погоди Минуточка
Ну погоди мой мальчик-пай
Ведь любовь это только шуточка
Это выдумал глупый Май.»

Мы в Августе горе скрываем
И в парке прощаясь тайком
С Лили мы как дети рыдаем
Осенним и пасмурным днем.

Я плачу, как малый ребенок
И голосом милым звеня
Ласкаясь ко мне как котенок
Лили — утешала меня.

«Ну погоди, ну не плачь Минуточка
Ну не плачь мой мальчик-пай.
Ведь любовь наша — только шуточка
Ее выдумал глупый Май.»

А. Вертинский

ЧУЖИЕ ГОРОДА

Принесла случайная молва
Милые ненужные слова . . .
Летний сад, Фонтанка и Нева.
Вы, слова залетные, куда?
Тут шумят чужие города . . .
И чужая плещется вода.
И чужая светится звезда.
Вас ни взять, ни спрятать, ни прогнать...
Надо жить, не надо вспоминать . . .
Чтобы больно не было опять,
Чтобы сердцу больше не кричать.
Это было . . . Было и прошло
Все прошло . . . и вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло
Вы слова залетные куда?
Тут живут чужие господа,
И чужая радость и беда
Мы для них чужие навсегда . . .

А. Вертинский

ДЖИОКОНДА

Я люблю Вас тепло и внимательно
Так как любят ушедших невест
Для меня это так обязательно
То что Вы мне надели свой крест.

Почему Вас зовут Джиокондою?
Это как-то не тонко о Вас.
Я в Вас чувствую строгость иконную
От широко расставленных глаз.

Я в Вас вижу «Царицу Небесную»
Богородицу Волжских скитов —
Несказанную радость чудесную
Наших русских дремучих лесов.

И любовь мою, тихо и бережно
Я несу, как из церкви свечу.
Разве счастья, словами измеришь дно?
Сам себе улыбнусь. И молчу.

Так не хочется скомкать поспешностью
Наш неловкий и робкий роман.
Да хранит Вас Господь с Вашей внешностью
От меня, от любви и от ран.

Константинополь, 1920—21.

А. Вертинский

КОНЦЕРТ САРАСАТТЕ

Ваш любовник скрипач, он седой и горбатый.
Он Вас дико ревнует, не любит и бьет,
Но, когда он играет концерт Сарасатте
Ваше сердце, как птица летит и поет.

Он — альфонс, по призванью. Он знает секреты
Он умеет из женщины сделать зеро . . .
Но, когда затоскуют его флажолеты,
Он божественный принц, он влюбленный Пьеро . . .

Он Вас скомкал, сломал, обокрал, обезличил.
Femme de luxe он сумел превратить в femme de chambre
И давно уж не моден, давно не приличен
Ваш кротовый жакет с легким запахом амбр . . .

И в усталом лице, и в манере держаться
Появилась у Вас и небрежность, и лень.
Разве можно так горько, так зло насмехаться?
Разве можно топтать каблуками сирень? . .

И, когда Вы, страдая от ласк хамоватых,
Тихо плачете где-то в углу, не дыша —
Он играет для Вас свой концерт Сарасатте
От которого кровью зальется душа!

Безобразной, ненужной, больной и брюхатой —
Ненавидя его, презирая себя,
Вы прощаете все, за концерт Сарасатте!
Исступленно, безумно и дико любя! . .

А. Вертинский

ЗЛЫЕ ДУХИ

Я опять посылаю письмо, и тихонько целую страницы
И открыв Ваши злые духи, — я вдыхаю их сладостный хмель
И тогда мне так ясно видны, эти черные тонкие птицы
Что летят из флакона — на юг, из флакона «Nuit de Noël»

Скоро будет весна. И Венеции юные скрипки.
Распоют Вашу грусть, растанцуют тоску и печаль,
И тогда станут легче грехи и светлей голубые ошибки
Не жалейте весной поцелуев — когда зацветает миндаль.

Обо мне не грустите мой друг. Я озябшая хмурая птица.
Мой хозяин — жестокий шарманщик — меня заставляет плясать,
Вынимая билетики счастья — я смотрю в несчастливые лица
И под вечные стоны шарманки, мне мучительно хочется спать.

Скоро будет весна. Солнце высушит мерзкую слякоть
И в полях расцветут первоцветы, фиалки и сны . . .
Только нам до весны не допеть, только нам до весны не доплакать
Мы с шарманкой измокли, устали и уже безнадежно больны.

Я опять посылаю письмо, и тихонько целую страницы
Не сердитесь за грустный конец и за слов моих горестных хмель.
Это все Ваши злые духи. Это черные мысли как птицы
Что летят из флакона — на юг, из флакона «Nuit de Noël»

А. Вертинский

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Вот зима. На деревьях цветут снеговые улыбки.
Я не верю, что в эту страну забредет Рождество.
По утрам мой комичный маэстро так печально
играет на скрипке,
И в снегах голубых за окном мне поет Божество!

Мне когда-то хотелось иметь золотого ребенка,
А теперь я мечтаю уйти в монастырь постареть,
И молиться у старых притворов печально и тонко,
Или может совсем не молиться, а эти же песенки
петь!

Все бывает не так, как мечтаешь под лунные звуки,
Всем понятно, что я не уйду, никуда, что сейчас
у меня,
Есть обиды, долги, есть собака, любовница, муки,
И что все это — так... пустяки... просто дым
без огня!

А. Вертинский

ЖЕЛТЫЙ АНГЕЛ

В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю,
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалостно пою.

Звенят, гудят джасс-баны
И злые обезьяны
Мне скалят искалеченные рты.
А я кривой и пьяный
Зову их в океаны
И сыплю им в шампанское цветы.

А когда настанет утро я бреду бульваром сонным,
Где в испуге даже дети убегают от меня.
Я усталый, старый клоун, я машу мечом картонным
И в лучах моей короны умирает светоч дня.

Звенят, гудят джасс-баны.
Танцуют обезьяны
И бешено встречают Рождество.
А я кривой и пьяный
Заснул у фортепиано
Под этот дикий гул и торжество.

На башне бьют куранты,
Уходят музыканты
И елка догорела до конца.
Лакеи тушат свечи,
Давно замолкли речи
И я уж не могу поднять лица.

И тогда с потухшей елки тихо спрыгнул желтый Ангел
И сказал: «Маэстро, бедный, Вы устали, Вы больны.
Говорят, что Вы в притонах по ночам поете танго
Даже в нашем добром небе были все удивлены».

И закрыв лицо руками, я внимал жестокой речи,
Утирая фраком слезы, слезы боли и стыда.
А высоко — в синем небе догорали Божьи Свечи
И печальный желтый Ангел тихо таял без следа.

АКТРИСЕ

Анне Стэн

Вы покинутый принц золотой Андерсеновской сказки —
В голубых ледниках «Дева Льдов» Ваше сердце хранит,
Ваше юное сердце еще не познавшее ласки,
Превращенное в камень. В сапфир. В темносиний гранит.

Вы влюблялись во сне? Вы видали весну на Бермуде?
Вы слыхали, как Баха играет в костеле орган?
О какой там «Любви» говорят эти страшные люди?
И за что их любить этих мстительных злых обезьян?

Вы не знали любви? Но любовь — это просто бессилье,
Вы сдаетесь на милость того, кто заведомый враг.
И, конечно, любовь опалила у Ангелов крылья,
И, конечно, любовь их низвергла из Света во Мрак!

Мой единственный друг, Вы на пленниц совсем не похожи,
Разве мало Вам сцены и славы бенгальских огней?
Вы не знали любви? Но ведь в этом же счастие тоже!
Улыбаться с экрана во тьму никому — никому из людей.

Атлантический Океан.
«S. S. Lafayette».
Октябрь 1934.

Ф. Сологуб

БЕССМЕРТНЫЙ БЕС

Сумерки. Осень. Мокрыми хлопьями
Падает тающий снег.
Бес продрог под своими отрепьями
«В яме — плохой ночлег.

Влез бы куда — чтобы люди не видели
Я бы уполз с зарей.
Сами меня кругом изобидели —
А говорят что злой . . .

Лежа в тепле-то — не хитро быть добрыми.
Нет! — поживи вот так!»
Жалко поводит тощими ребрами —
Дует пыхтя в кулак.

Что уж за жизнь . . . Так — одна околесица
Век у чужого жилья
Мне бы давно на суку повеситься
Да ведь бессмертен я.

Взвыли деревья ветром ужалены —
Взвыл придорожный лес.
В яме, ничком — у пустой прогалины
Плачет Бессмертный Бес.

А. Вертинский

ПРИНЦЕССА МАЛЕН

Мне так стыдно за Вас. Мне и больно и жутко.
Мне не хочется верить такому концу.
Из принцессы Мален вдохновенной и чуткой
Превратиться в такую слепую овцу.

Он Вас так искалечил. Тупой и упорный
Как «прилично» подстриг он, цветы Ваших грез.
Что осталось от Вас, Ваших шуток задорных
Ваших милых ошибок, улыбок и слез.

Он Вас так обезличил. Он все Ваши мысли
Перекрасил в какой-то безрадостный цвет.
Как увяли слова. Как бессильно повисли
Ваши робкие «Да» Ваши гордые «Нет».

Это грустно до слез. И смешно к сожалению
Что из «Розы Поэта» — и это не лесть
Этот добрый кретин — просто сварит варенье
Спрячет в шкаф и зимой будет медленно есть.

Одного он не знает, — чем сон непробудней
Тем светлей пробужденье, тем ярче гроза:
Я спокойно крещу Ваши серые будни
Ваше тихое имя — целую в глаза.

Константинополь, 1920.

А. Вертинский

БАЛ ГОСПОДЕНЬ

В пыльный маленький город, где Вы жили
ребенком,
Из Парижа весной к Вам пришел туалет,
В этом платье печальном, Вы казались Орленком,
Бледным, маленьким герцогом сказочных лет...

В этом городе сонном, Вы вечно мечтали,
О балах, о пажах, вереницах карет
И о том, как ночами в горящем Версале
С мертвым принцем танцуете Вы менуэт!..

В этом городе сонном балов не бывало,
Даже не было просто приличных карет.
Шли года, Вы поблекли и платье увяло,
Ваше дивное платье «Maison Lavalette».

Но однажды сбылися мечты сумасшедшие,
Платье было одето, фиалки цвели,
И какие-то люди, за Вами пришедшие,
В катафалке по городу Вас повезли.

На слепых лошадях колыхались плюмажики,
Старый попик любезно кадилом махал...
Так весной, в бутафорском смешном экипажике
Вы поехали к Богу на бал.

А. Вертинский

ТО, ЧТО Я ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ

Я не знаю зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой;
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом —
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их елками, замесили их грязью;
И пошли по домам — под шумок толковать,
Что пора положить-бы уж конец безобразью
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в недоброй
стране —
Даже светлые подвиги — это только ступени,
В бесконечные пропасти — к недоступной Весне!

В. Инбер

ДЖОННИ

Увы, на жизни склоне,
Сердца все пресыщенней
И это очень жаль...
У маленького Джонни —
Горячие ладони
И зубы, как миндаль.

У маленького Джонни,
В улыбке, в жесте, в тоне,
Так много острых чар...
И чтоб не говорили
О баре «Пикадилли»,
Но — это славный бар.

Но ад ли это?.. рай ли?
Сигары и коктейли,
И кокаин подчас...
Разносит Джонни кротко
А дэнди и кокотки
С него не сводят глаз.

Но Джонни, — он спокоен,
Никто не удостоен...
Невинен алый рот.
В зажженном им пожаре
На «Пикадилли» в баре
Он холоден, как лед. —

Как хрупки льдины эти...
Однажды на рассвете,

Тоску ночей гоня,
От жажды умирая,
В потоке горностая
Туда вошла она. —

Бессонницей томима,
Усталая от грима.
О, возраст, полный грез . . .
О, жажда, ради Бога,
Любить еще немного
И целовать до слез.

Кто угадает сроки?
На табурет высокий
Присела у окна.
В почтительном поклоне
Пред ней склонился Джонни,
Он ей принес вина . . .

С тех пор прошли недели
И ей уж надоели
И Джонни, и миндаль.
И выгнанный с позором,
Он нищим стал и вором
И это очень жаль.

А. Вертинский

ЛИЛОВЫЙ НЕГР

Где Вы теперь? кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайчонок Ли? . .
Вы кажется потом любили португальца,
А может быть с малайцем Вы ушли.

В последний раз я видел Вас так близко,
В пролеты улиц Вас умчал авто,
И снится мне — в притонах Сан Франциско
Лиловый негр Вам подает манто.

А. Вертинский

ЛИЧНАЯ ПЕСЕНКА

Что же мы себя мучаем?
Мы ведь жизнью научены...
Разве мы расстаемся на век?
Разве ты не любимая,
Разве ты не единая,
Разве ты не родной человек?

А ведь были же сладости,
В каждом горе и радости,
Что когда-то делили с тобой,
Все, что сердце заполнило,
Мне сегодня напомнило,
Эта песня пропетая мной.

Я всегда был с причудинкой,
И тебе, моей худенькой,
Я достаточно горя принес.
Не одну сжег я ноченьку
И тебя, мою доченьку,
Доводил, обижая, до слез.

И звеня погремушкою
Был я только игрушкою
У жесткой судьбы на пути.
Расплатились наличными

И остались приличными,
А теперь, если можешь, прости.

Все пройдет, все прокатится,
Вынь же новое платьице,
И надень к нему шапочку в тон.
Мы возьмем нашу сучечку
И друг друга за рученьку
И поедем в Буа де-Булонь.

Будем снова веселыми,
А за днями тяжелыми
Только песня помчится звеня
Разве ты не любимая?
Разве ты не единая?
Разве ты не жена у меня?

С. Есенин

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Досвиданья, друг мой, досвиданья.
Мне так трудно жить среди людей.
Каждый шаг мой стерегут страданья
В этой жизни счастья нет нигде.

Досвиданья, догорели свечи . . .
Как мне страшно уходить во тьму!
Ждать всю жизнь и не дождаться встречи
И остаться ночью, одному.

Досвиданья, без руки, без слова.
Так и проще будет и нежней . . .
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

А. Вертинский

ПАРИЖАНКА

«Taille» карант карант-дэ. Я держусь золотой середины.
Вес — сэнкант э труа — потому что характер — сэнкант.
Цвет лица от «Калю». Ноги стройны изящны и длинны
И сантюр «Sens unique» и для обуви кожа «Serpente»

Никаких панталон. Это пошло, вульгарно и грубо.
Это только толстит — убивая при том сексопил
Макияж, от Герлен. Как цветок разворочены губы
Бровь летит в потолок, и в глазах замороженный пыл!

Муж для платы за тэрм. Друг для денег и платья
Un amant pour sortir и encore un amant «для души».
От пяти до семи настоящая страсть и объятья
Дальше вечная ложь и тоска. Остальное «щищи»

Voiture «Voisin» голубой или «бэж» для прогулки
«Рик» и «Рак» шьен де люкс — для коктэйлей в Булонском лесу.
Псы едят раз в году Harricot и немножечко булки;
Сердобольный шоффер иногда им дает колбасу.

Двое хрупких детей. Как цветы . . . Настоящие душки
У мамаши в «банлье». А мамаша имеет бистро.
Дети чинны, милы, любят мать, шоколад и игрушки
Это даже юнит. Получается очень остро.

Что ж добавить еще. Жизнь удобна, легка и красива,
Правда, годы идут, но идут «Docuement» не спеша
Смерть придет от Прюнье. От испорченных устриц и пива.
Тело бренно, конечно. За то,ведь, бессмертна душа.

Париж, 1934.

ЗА КУЛИСАМИ

Вы стояли в театре, в углу, за кулисами,
А за Вами словами звеня,
Парикмахер, суфлер и актеры с актрисами
Потихоньку ругали меня.

Кто-то злобно шипел: — «Молодой, да удаленький.
Вот кто за нос умеет водить.»
И тогда Вы сказали: — «Послушайте, маленькой, —
Можно мне вас тихонько любить?»

Вот окончен концерт . . . Помню степь белоснежную . . .
На вокзале Ваш мягкий поклон,
В этот вечер Вы были особенно нежною.
Как лампадка у старых икон . . .

А потом — города, степь, дороги, проталинки . . .
Я забыл то, чего не хотел бы забыть
И осталась лишь фраза: — «Послушайте, маленькой.
Можно мне вас тихонько любить!»

А. Вертинский

МАЛИНОВКА

(Пародия)

Малиновка моя, не уезжай.
И почему в Москву не в Парагвай.
Зачем такой скандал? К чему весь этот хай.
Малиновка моя — не уезжай?

Не оставляй меня «подругам дорогим»,
Не забывай о том, что дружба — это дым . . .
Они меня возьмут-разделят меж собою
Забыв что я был твой . . .

Не надо покупать, дорожный несессер —
Не надо утверждать, что едешь в СССР
И в то же время лгать и визу брать в Шанхай
Крича мне, — денег дай!

И как тебе вдолбить моя мечта,
Что я не виноват, что ты уже не та . . .
Не та, что я любил. А потому, прощай.
Немедленно отсюда вылетай.

Холливуд. Калифорния.
Август 1935.

РОЖДЕСТВО

Рождество в стране моей родной,
Синий праздник с дальнею звездой;
Где на паперти церквей в метели
Вихри стелят ангелам постели.

С белых клиросов — взлетает волчий вой...
Добрый праздник — старый и седой.
Мертвый месяц щерит рот кривой
И в снегах глубоких стынут ели.

Рождество в стране моей родной
Добрый дед с картонной бородой,
Пахнет мандаринами и елкой
С пушками, хлопушками в кошелке

Детский праздник, а когда-то мой
Кто-то близкий, теплый и родной
Тихо гладит ласковой рукой.
. . . .

. . . .
Время унесло тебя с собой
Рождество страны моей родной.

Париж, 1934.

П. Рождественский

В НАШЕЙ КОМНАТЕ

В этой комнате — проснемся мы с тобой.
В этой комнате от солнца молодой.
Половицы в этой комнате скрипят
Окна низкие — выходят прямо в сад . . .

А в буфете есть вчерашнее вино
Под часами замолчавшими давно.
Слышишь, — травами пахнуло и росой.
Побеги скорее по саду босой.

В эту яблоню — все сердце окуни,
Осыпаются под ветром наши дни,
Облетает захмелевшая душа,
А сама то ты — как яблонь хороша!

И. Анненский

МОЯ ЗВЕЗДА

Среди миров в мерцании светил,
Одной звезды я повторяю имя.
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что мне темно с другими.

И если мне на сердце тяжело,
Я у нее одной ищу ответа,
Не потому что от нее светло,
А потому что с ней не надо света! . .

А. Ахматова

ЕЕ ПРОСТОЕ ЖЕЛАНЬЕ

Мне бы частушки задорно выкликать,
А тебе — на хриплой на гармонике играть.
И уйдя обнявшись на ночь за овсы,
Потерять бы ленту мне из тугой косы.

Мне бы ребеночка твоего качать,
А тебе — полтинничек в сутки выручать.
Да ходить на кладбище в Поминальный день
Да смотреть на Белую, Божию сирень.

Н. Тэффи

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК

Ваш черный карлик целовал Вам ножки,
Он с Вами был так ласков и так мил,
Все Ваши кольца, Ваши серьги, брошки
Он собирал и в сундучке хранил.

Но в страшный день печали и тревоги
Ваш карлик — вдруг поднялся и подрос...
Теперь — ему Вы целовали ноги,
А он — ушел... и сундучек унес...

А. Вертинский

JAMAIS

Я помню эту ночь. Вы плакали малютка,
Из Ваших синих, подведенных глаз
В бокал вина скатился вдруг алмаз,
И много, много раз

Я вспоминал ушедшую минутку.
На креслах в комнате белеют Ваши блузки,
Вот Вы ушли и день так пуст и сер.
Грустит в углу Ваш попугай «Флобер»,
Он говорит «jamais» и плачет по-французки.

Георгий Иванов

НАД РОЗОВЫМ МОРЕМ

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зеленела бутылка вина.
И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гавайской гитары.

Послушай, о как это было давно . . .
Такое же море, и то же вино . . .
Мне кажется будто и музыка та же,
Послушай, послушай, мне кажется даже . . .

Нет. Вы ошибаетесь друг дорогой,
Мы жили тогда на планете другой.
И слишком устали, и слишком мы стары
Для этого вальса и этой гитары.

А. Вертинский

В СТЕПИ МОЛДАВАНСКОЙ

Тихо тянутся сонные дроги
И вздыхая ползут под откос . . .
И печально глядит на дороги
У колодцев распятый Христос .

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать никого не любя!

Как все эти картины мне близки,
Сколько вижу знакомых я черт!
И две ласточки, как гимназистки,
Провожают меня на концерт.

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать никого не любя!

Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зеленом лугу.
И Российскую горькую землю
Узнаю я на том берегу.

А когда засыпают березы
И ~~поля затихают~~ равнины отходят ко сну . . .
О, как сладко, как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну . . .

А. Вертинский

БЕЗНОЖЕНКА

Ночью на кладбище строгое,
Чуть только месяц взойдет,
Крошка малютка безногая,
Пыльной дорогой ползет...

Днем по канавкам валяется,
Что-то тихонько скулит,
Ночью в траву забирается,
Между могилками спит...

Старой, забытой дороженькой,
Между лохматых могил,
Добрый и ласковый Боженька
Нынче во сне приходил.

Ноги большие и новые
Ей подарить обещал,
А колокольцы лиловые
Тихо звенели хорал...

«Боженька, ласковый Боженька,
Что тебе стоит к весне
Глупой и малой Безноженке
Ноги приклеить во сне?»

Н. Агнивцев

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ

Затянут шелком тронный зал:
На всю страну сегодня,
Король дает бессчетный бал
По милости Господней.

Как всегда, король там был —
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено.

Старый шут, покосившись на зал —
Поднял тонкую бровь и сказал:
Он всегда, после бала веселого
Возвращается без головы.

Как легко Вы теряете голову
Мой король, как рассеяны Вы,
Затянут красным тронный зал
На всю страну сегодня

Народ дает свой первый бал
По милости Господней.
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно

И под ножом он преклонил
Высокое колено.
Старый шут, покосившись на зал,
Поднял тонкую бровь и сказал:

Он всегда, после бала веселого
Возвращается без головы.
Как легко Вы теряете голову,
Мой король, как рассеяны Вы!

А. Вертинский

ВЕНОК

Вот и все. Панихида кончена.
Над собором пробило час.
Этой пытке остро-утонченной
Предаюсь я в последний раз.

Синеватые нити ладана
Недоплаканных слез комок
Все понятно и все разгадано
Эти строки — любви венок.

Что ж тебе пожелать. — Любовника?..
Или счастья на двух персон?
Не забудь позабыть виновника,
Что нарушил твой сладкий сон.

Он обманут мечтой-гадалкою
Умирает один в глуши.
Не сердись за попытку жалкую
Докричать до твоей души.

А любовь твою, я, как веточку
Засушу между старых книг.
Время быстро сотрет отметочку,
Все сотрет Его грозный лик.

Ну, прощай моя птица бедная
Королева моих вершин.
Ты теперь навсегда безвредная,
Он долюбит тебя один.

Бессарабия, 1921.

А. Вертинский

РАКЕЛЬ МЕЛЛЕР

Из глухих притонов Барселоны
На асфальт парижских площадей
Принесли вы эти песни-звоны
Изумрудной родины своей

И из скромной девочки певуньи
Тихой и простой, как василек
Расцвели в таинственный и лунный
Никому неведомый цветок.

И теперь от принца до апаша
От cartier Latin, до Sacre Coeur
Все в Париже знают имя ваше
Весь Париж влюблен в Ракел Меллер

Вами бредят в Лондоне и Вене —
Вами пьян Мадрид и Сан-Суси
Это ваши светлые колени
Вдохновили гений Дебюсси

И забыв свой строгий стиль латинский
Перепутав грозные слова
Из-за вас Епископ Логарингский
Уронил в причастье кружева.

Но безгрешней мертвой туберозы
Вы строги печальны и нежны
Ваших песен светлые наркозы
Укачали сердце до весны

И сквозь строй мужчин, как сквозь горилл —
Вы прошли с улыбкой антиквара
И мужской любви упрямый пыл
В Вашем сердце не зажег пожара!

На асфальт парижских площадей
Вы, смеясь, швырнули сердца стоны
Золотые песни Барселоны
Изумрудной родины своей.

Павел Рождественский

МИНУТА НА ПУТИ

Ну что-ж простимся, так и быть.
Минута на пути...
Я не умел тебя любить
Прости меня — прости.

Прости за то, что ты была
Любовницей, женой —
Что ты сожгла меня до тла,
Отнявши мой покой.

Что от разлук до новых встреч
До самого конца
Мы не сумели уберечь
Холодные сердца.

Как мне тебя благодарить
Минута на пути
Я не могу тебя забыть
Прости меня, прости.

А. Вертинский

СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК

Каждый день под окошком он заводит шарманку.
Монотонно и сонно он поет об одном.
Плачет старое небо, мочет дождь обезьянку,
Пожилую актрису с утомленным лицом.

Ты усталый паяц, ты смешной балаганщик,
С обнаженной душой, ты не знаешь стыда.
Замолчи, замолчи сумасшедший шарманщик,
Мои песни мне надо забыть навсегда, навсегда.

Мчится бешенный шар и летит в бесконечность
И смешные букашки облепили его,
Бьются, вьются, жужжат и с расчетом на вечность
Исчезают, как дым, не узнав ничего.

А высоко вверху Время — старый обманщик,
Как пылинки с цветов, с них сдувает года...
Замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Этой песни нам лучше не знать никогда, никогда.

Мы — осенние листья, нас бурей сорвало.
Нас все гонят и гонят ветров табуны.
Кто же нас успокоит бесконечно усталых,
Кто укажет нам путь в это царство Весны.

Будет это — пророк или просто обманщик,
И в какой только рай нас погонят тогда?..
Замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Эту песнь мы не можем забыть никогда, никогда!

А. Вертинский

ПАНИ ИРЕНА

Я безумно боюсь золотистого плена
Ваших медно-змеиных волос.
Я влюблен в Ваше тонкое имя Ирена
И в следы Ваших слез...

Я влюблен в Ваши гордые, польские руки,
В эту кровь голубых королей,
В эту, бледность лица, до восторга, до муки
Обожженного песней моей!

Разве можно забыть эти детские плечи,
Этот горький, заплаканный рот...
И акцент Вашей польской изысканной речи
И ресниц утомленных полет...

А крылатые брови? а лоб Беатриче?
А весна в повороте лица?..
О, как трудно любить в этом мире приличий,
О, как больно любить без конца!

И бледнеть, и терпеть, и не сметь увлекаться
И зажав свое сердце в руке,
Осторожно уйти, навсегда отказаться
И еще улыбаться в тоске.

Не могу, не хочу, наконец — не желаю!
И приветствуя радостный плен
Я со сцены Вам сердце, как мячик бросаю!..
Ну! ловите, принцесса Ирен!..

А. Вертинский

МАЛИНОВКА

Малиновка моя, не улетай!
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?
Каких ты хочешь мук?
Какой ты ищешь рай?

Не покидай меня и не зови с собой,
Не оставляй меня, наедине с Судьбой,
Чтоб вечно петь и петь, кричать в сердца
людей
И укрощать зверей!..

Твоя судьба звенеть и вить свое гнездо.
Я ж обречен лететь упавшею звездой.
Пол неба озарив, погаснуть без следа,
Как луч на дне пруда.

И как сказать тебе, мой светлый Май,
Что ты последний сон, последний рай!
Что мне не пережить холодного «про-
щай...
Малиновка моя, не улетай!

Холливуд. Калифорния.
Август 1935.

А. Вертинский

ВРАГУ

Я презираю Вас спокойно и светло,
Мой бедный враг с потухшими глазами
Вы тень моя. Я к Вам привык с годами
Алмазом слов моих, я огранил стекло.

И в жизни Вашей — зеркало души
Я отражаюсь злой каррикатурой
Я как Шекспир разыгранный «халтурой»
В провинции. В театрике. В глуши.

Вы — худший из моих учеников
И если я бунтарь и поджигатель
То Вы — доносчик на меня предатель.
Бездарнейший из всех моих врагов.

Вам ничего Европа не дала
И Вы все тот же Гамлет в нафталине
И все еще трезвоните доныне
В картонные свои колокола.

Дырявый плащ — чужих ролей и фраз
Фальшивых, вычурных и лицемерных
Вы взяли напрокат в Российских костюмерных
И привезли с собой — Европе напоказ.

Он не прикроет Вашей наготы
И никого, увы, пленить не может
А Вас еще по прежнему тревожит
И мнение толпы, и чувство «красоты»

И даже Ваших маленьких ролей
Вы никогда как следует не знали
И по тетрадке что-то бормотали,
Надеясь на меня — суфлера Ваших дней.

Но пьеса кончена. Увы, успеха нет.
И публика спешит надеть калоши,
Суфлер ушел. А был суфлер хороший.
Подумайте о нем, на склоне Ваших лет.

Париж, 1934.

А. Вертинский

ВСЕ ЧТО ОСТАЛОСЬ

Это все, что от Вас осталось
Пачка писем и прядь волос,
Только сердце немного сжалось
В нем уже не осталось слез.

Вот в субботу куплю собаку,
Буду петь по ночам псалом,
Закажу себе туфли к фраку . . .
Ничего. Как нибудь . . . проживем.

Все окончилось так нормально
Так логичен и прост конец,
Вы сказали что нынче в спальню
Не приносят с собой сердец.

Харьков, 1918.

А. Вертинский

ДНИ БЕГУТ

Сколько вычурных поз,
Сколько сломанных роз,
Сколько мук и проклятий и слез!

Как сияют венцы! как банальны концы!
Как мы все в наших чувствах глупцы!

А любовь — это яд!
А любовь — это ад!
Где сердца наши вечно горят.

Дни бегут
Как уходит весной вода,
Дни бегут
Унося за собой года,

Время лечит людей
И от всех этих дней
Остается тоска одна
И со мною — всегда она.

Но зато разлюбя,
Столько чувств загубя.
Как потом мы жалеем себя,

Как нам стыдно за ложь.
За сердечную дрожь
И какой носим в сердце мы нож.

Никому не понять,
Никому не сказать.
Остается застыть и молчать.

Дни бегут
Как уходит весной вода
Дни бегут
Унося за собой года.

Время лечит людей
И от всех этих дней
Остается тоска одна
И со мною всегда она...

Неизвестного автора

СНЕЖНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи мой мальчик милый... За окошком стужа,
Намело сугробы у нашего крыльца,
Я — любовник мамин, а она у мужа,
Старого, седого твоего отца.

Так сказали люди: я — любовник мамин,
Но не знают люди о моей любви...
Не смотри ж мой мальчик синими глазами,
В темноте напрасно маму не зови.

Мама не вернется, мама любит мужа,
Старого, седого твоего отца.
За окошком синим тихо стонет стужа,
Намело сугробы у нашего крыльца...

А. Вертинский

FEMME RAFFINEE

Разве можно от женщины требовать многого?
Вы так мило танцуете, в Вас есть шик.
А от Вас, и не ждут поведения строгого,
Никому не мешает Ваш муж старик.

Только не надо играть в загадочность,
И делать из жизни «Le vin triste»
Это все чепуха да и Ваша порядочность
Это тоже кокетливый фиговый лист.

Вы несомненно с большими данными,
Три-четыре банкротства — приличный стаж,
Вас воспитали чуть-чуть по-странному,
Я б сказал «европейски» — фокстрот и пляж.

Я вас так понимаю, я так Вам сочувствую,
Я готов разорваться на сто частей,
Восемьнадцатый раз, я спокойно присутствую
При одной из обычных для Вас «смертей».

Я давно уже выучил все завещание
И могу повторить Вам в любой момент:
Фокстерьера Люлю отослать в Испанию,
Где живет Ваш любовник . . . Один . . . студент.
Ваши шляпки и платья роздать учащимся,
А «dessou» сдать в «Музей Прикладных Исскуств».
А потом я и муж, мы вдвоем потащимся
Покупать Вам на гроб сирени куст.

Разве можно от женщины требовать многого?
Там где глупость божественна — ум ничто!

Н. Тэффи

ТРИ ПАЖА

Три юных пажа покидали,
Навеки свой берег родной,
В глазах у них слезы блистали
И горек был ветер морской.

«Люблю белокурые косы».
Так первый рыдая сказал.
«Уйду в глубину под утесы,
Где блещет — бушующий вал
Забыть — белокурые косы»
Так — первый рыдая сказал.

Второй — отвечал без волненья
«Я ненависть в сердце таю
И буду я жить для отмщенья
И черные очи — сгублю!»

А третий любил королеву,
И молча пошел умирать.
Не мог он ни ласке, ни гневу
Любимое имя предать.
Кто любит свою королеву,
Тот молча идет умирать.

А. Вертинский

ПЕЙ, МОЯ ДЕВОЧКА

Пей, моя девочка пей, моя милая
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.

Нас обманули, нас ложью опутали,
Нас заставляли любить . . .
Хитро и тонко, так точно запутали,
Даже не дали забыть!

Пей, моя девочка, пей моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.

Выпили нас, как бокалы хрустальные
С светлым, душистым вином
Вот отчего мои песни печальные,
Вот отчего мы вдвоем.

Пей, моя девочка, пей моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.

Наши сердца, как перчатки, изношены,
Нам нужно много молчать!
Чьей-то жестокой рукою мы брошены
В эту большую кровать!

Пей, моя девочка, пей моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.

А. Вертинский

ДЕВОЧКА С КАПРИЗАМИ

Мы читаем Шницлера. Бредим Мы — маркизами
Осень мы проводим с мамой в Туапсе.
Девочка с привычками, девочка с капризами
Девочка не «как нибудь», а не так как все.

Мы никем не поняты и разочарованы.
Нас считают маленькой и теснят во всем
И хотя мы мамою — не очень избалованы,
Все же мы умеем поставить на своем.

Из-за нас «страдают» здесь — очень очень многие
Летом в Евпатории, был такой момент
Что Володя Кустиков — принял грамм цикория
Правда он в гимназии, но почти студент.

Платьица короткие — вызывают страстные
Споры до истерики с бонной и «мама»
Эти бонны кроткие — нудные, ужасные.
Нет от них спасения. Хуже чем чума!

Вечно неприятности. Не дают возможности
Заставляют волосы распускать как хвост,
Что это, от глупости, иль от осторожности?
А кузен Сереженька — все острит прохвост.

Он, и бонна рыжая — целый день сопутствуют
Ходишь как по ниточке — воробей в плену.
Девочка с капризами я вам так сочувствую...
Вашу жизнь тяжелую — я один пойму!

Ялта, 1917.

А. Вертинский

*
* *

Инне Л.

Я Вами восхищен. Я к Вам душой тянусь...
Вы старых мастеров божественная форма,
А Ваше имя — горькое на вкус!
А поцелуи — слаще хлороформа!

Как не хватает слов, как не хватает ласк...
Какой поэт построил Ваши ноги,
Две бесконечно длинные дороги
В далекий заколдованный Дамаск...

А Ваш жестокий рот, который смутно жаль
Кто дал Вам взгляда смутную небрежность,
Кто погасил навеки Вашу нежность,
И кто зажег у Вас в глазах печаль?

Вы точно факел брошенный во тьму.
Сквозь миллионы лет, я смутно помню лица...
Толпу... костер... я Вас убил Царица.
Я Вас убил... но не отдал ему!

Берлин, 1923.

А. Вертинский

О ШЕСТИ ЗЕРКАЛАХ

М. Ю.

У меня есть мышонок. Приятель негаданный
В моей комнате — очень похожей на склеп
Он шатается пьяный от шипра и ладана
И от скуки грызет мои ленты и креп.

Он живет под диваном, и следит очарованный
Как уж многие дни — у него на глазах,
Неизбежно и верно — как принц заколдованный
Я тоскую в шести зеркалах.

Каждый вечер, из-за шифоньерки березовой
Мой единственный маленьки друг
Деликатно просунет свою мордочку розовую,
И тактично вздохнув — отойдет за сундук.

Я кормлю его кексом и старыми сплетнями
О любовниках Мэри о «Танго-Гашиш».
Или просто делюсь впечатлениями летними
От моей неудачной поездки в Париж.

А когда я усну — он уж на подоконнике
И читает по стенам, всю ту милую ложь
Весь тот вздор, что мне пишут на лентах поклонники
О Пьеро, и о том, как вообще я хорош.

И не видит никто, как с тоскою повенчанный
Одинокий как ветер в осенних полях
Из-за маленькой, злой, ограниченной женщины
Умираю в шести зеркалах.

Москва, 1917.

А. Вертинский

ЛЮБОВНИЦЕ

Замолчи, замолчи умоляю,
Я от слов твоих горьких устал.
Никакого я счастья не знаю
Никакой я любви не встречал.

Не ломай свои тонкие руки
Надо жизнь до конца дотянуть
Чтобы только совсем не заснуть.
Я пою мои песни от скуки

Поищи себе лучше, другого,
И умней и сильнее меня,
Чтоб ловил твое каждое слово
Чтоб любил тебя «жарче огня».

В этом страшном, «веселом» Париже
Невеселых гуляк и зевак
Ты одна всех понятней и ближе
Мой любимый, единственный враг.

Скоро, скоро с далеким поклоном
Мою «русскую» грусть затая,
За бродячим цыганским вагоном
Я уйду в голубые края.

А потом, как-нибудь, за стеною
Ты услышишь мой голос сквозь сон
И про нашу разлуку с тобою
Равнодушно споет грамофон.

Париж, 1934.

А. Ахматова

ТЕМНЕЕТ ДОРОГА

Темнеет дорога приморского сада
Желты до утра фонари
Я очень спокойный, но только не надо
Со мной о любви говорить.

Я верный и нежный. Мы будем друзьями
Гулять, целоваться — стареть
И легкие месяцы будут над нами
Как снежные звезды лететь.

Темнеет дорога уснувшего сада
Еще далеко до зари
Я очень спокойный, но только не надо
Со мной о любви говорить.

МАЛЕНЬКИЙ КРЕОЛЬЧИК

Вере Холодной

Ах, где же Вы, мой маленький креольчик?
Мой смуглый принц с Антильских островов?
Мой маленький китайский колокольчик
Капризный как дитя, как песенка без слов!

Такой беспомощный — как дикий одуванчик,
Такой изысканный, изящный и простой,
Как пуст без Вас мой старый балаганчик!
Как бледен Ваш Пьеро, как плачет он порой.

Куда же Вы ушли, мой маленький креольчик?!
Мой смуглый принц с Антильских островов?
Мой маленький китайский колокольчик
Капризный как дитя, как песенка без слов...

Москва, 1916.

И. Северянин

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

В те дни, когда роились грезы
В сердцах у нас прозрачны и ясны
Как хороши, как свежи были розы,
Моей прекрасной, голубой страны.

Прошли лета. И всюду льются слезы,
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне.

Но дни идут. Уже стихают грозы
Вернуться в дом — Россия ищет троп
Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной — мне брошенные в гроб.

ТЫ УСПОКОЙ МЕНЯ...

Ты успокой меня...
Скажи, что это шутка!
Что ты по-прежнему,
По-старому моя!..

Не покидай меня!
Мне бесконечно жутко,
Мне так мучительно,
Так страшно без тебя!..

Но ты уйдешь, холодной и далекой,
Укутав сердце в шелк и шеншеля,
Не презирай меня! не будь такой жестокой!
Пусть мне покажется
Что ты еще моя!..

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Цыганский романс

Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем.
Звезды на небе... Звезды на море...
Звезды и в сердце твоем...

Листьев ли шопот, иль ветра порывы
Жадной душою я нежно ловлю...
Очи бездонны... Уста молчаливы...
Милая! друг мой... люблю!..

А. Вертинский

КОКАИНЕТОЧКА

Что Вы плачете здесь, одинокая, бедная девочка,
Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы?
Вашу синюю шейку едва прикрывает горжеточка,
Облысевшая, мокрая вся и смешная, как Вы . . .

Вас уже отравила осенняя слякоть бульварная
И я знаю, что вскрикнув вы можете спрыгнуть с ума!
И когда вы умрете на этой скамейке, кошмарная,
Ваш сиреневый трупик окутает саваном тьма.

Так не плачьте-ж, не стоит моя одинокая, деточка,
Кокаином распятая на мокрых бульварах Москвы . . .
Лучше синюю шейку свою затяните потуже горжеточкой
И ступайте туда, где никто Вас не спросит кто Вы . . .

А. Вертинский

* *
*

Вы мой пленник и гость, светло-серая птица,
Вы летели на север. Я вас подобрал на снегу
С перебитым крылом и слезой на замерзшей реснице.
Я вас поднял, согрел и теперь до весны берегу.

А весной — я вас выпущу в эти обманные дали,
Чтобы любовь не смогла растопить одиночества лед,
Чтобы песни мои также радостно к небу взлетали,
Чтобы также был горд в облаках их высокий полет.

Атлантический океан,
Гавайские острова,
1934.

И. Тэффи

О ВСЕХ УСТАЛЫХ

К мысу-ль радости, к скалам печали-ли
К островам ли сиреневых птиц,
Все равно, где бы мы не причалили,
Не поднять нам усталых ресниц.

Мимо стеклышка иллюминатора
Проплывут золотые сады,
Пальмы тропиков, солнце экватора,
Голубые полярные льды.

Все равно, где бы мы не причалили,
К островам ли сиреневых птиц,
К мысу-ль радости, к скалам печали-ли,
Не поднять нам усталых ресниц . . .

Стихи

А. Вертинский

ИРИНЕ СТРОЦЦИ

Насмешница моя, лукавый рыжий мальчик,
Мой нежный враг, мой беспощадный друг.
Я так влюблен в Ваш узкий длинный пальчик
И лунное кольцо и кисти бледных рук.

И глаз пленительных лукавые расстрелы
И рта порочного изысканный размер
И прямо в сердце мне направленные стрелы
Мой падший Ангел из «Фоли-Бержер».

А сколько хитрости, упрямства и искусства,
Чтоб только как-нибудь подальше от меня
Запрятать возникающее чувство
Которое идет ликуя и звеня.

Я верю в силу чувств. И не спешу с победой.
Любовь — давление в сто тысяч атмосфер.
Как там не говори, что там не проповедуй
Мой падший Ангел из «Фоли-Бержер».

Париж, 1934.

Н. Гумилев

КИТАЙСКАЯ АКВАРЕЛЬ

И вот, мне приснилось, — что сердце мое не болит.
Оно — колокольчик фарфоровый в Желтом Китае.
На пагоде пестрой, висит и приветно звенит,
В эмалевом небе, дразня журавлиные стаи.

А кроткая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы
С поджатыми ножками смотрит без мыслей, без слов
Внимательно слушая легкие, легкие звоны . . .

Н. Агнивцев

В СТАРОЙ ВЕНЕ

Вы вошли летним вечером в туалете изысканном
В этот бар, — разукрашенный, как мещанская
елка.
С Вами муж накрахмаленный и лавандой опрыс-
канный,
Очень строгий и чопорный и сухой как иголка.

Вы надменны и холодны. Только дама из общества
Может так имитировать настоящую «лэди»
И с улыбкой я в Вас узнаю гардеробщицу
Из знакомого дансинга «Маленький Тэдди».

В старой Вене на Пратере . . . Ну давайте вальси-
ровать
Притворясь незнакомыми — говорить интереснее.
Вы ведь «дама из общества». Свет нельзя игно-
рировать
Отчего Вы бледнеете? Улыбаться уместнее . . .

В старой Вене . . . на Пратере . . если Вы еще
помните,
Мы катались влюбленные в старомодной каретке.
Занавески опущены... целовались как в комнате...
А цилиндр Тони — кучера — зацеплялся за ветки.

А потом неожиданно Вы уехали в Данию
Представитель шампанского Вас увлек в неизвестное.
И сегодня — так радостно узнаю в ресторане я
В этой дэнди законченной — мою юность чудесную.

В старой Вене... на Пратере... Ну не плачьте любимая...
Вон и так уже муж подозрительно косится...
Это счастье к нам в сердце стучится гонимое
Это юности ветер к нам с вальсом доносится.

В старой Вене... на Пратере... Впрочем все это глупости
Не вернуть никогда, то что с вальсом уносится...

Сан-Франциско.
Октябрь 1935

А. Вертинский

АЛЛИЛУИЯ

Ах, вчера умерла моя девочка бедная,
Моя кукла балетная в рваном трико
В керосиновом солнце, закружилась победная
Точно бабочка бледная — так смешно и легко.

Девятнадцать шутов с куплетистами
Отпевали невесту мою.
В куполах солнца луч расцветал аметистами
Я не плачу. Ты видишь? Я тоже пою.

Я крещу твою ножку упрямую
Я крещу твой атласный башмак.
И тебя, и не ту и ту самую
Я целую — вот так.

И за гипсовой маской, спокойной и строгою
Буду прятать тоску о твоих «фуэтэ»
О полете шифонном . . . и многое многое
Что не знает никто. Даже братья Патэ.

Упокой меня Господи — скоморока смешного
Хоть в аду упокой, только дай мне забыть что болит
Высоко в куполах — трепетало последнее слово
«Аллилуия» — лиловая птица — смертельных молитв.

Москва, 1916—17.

А. Вертинский

ОЛОВЯННОЕ СЕРДЦЕ

Я увидел Вас в летнем тире,
Где звенит монтекрист как шмель
В этом мертво кричащем мире
Вы почти недоступная цель.

О как часто, юнец жантильный
Энергично наметив Вас
Опускал монтекрист бессильно
Под огнем Ваших странных глаз . . .

Вот запела входная дверца . . .
Он — в цилиндре, она — в манто
В оловянное Ваше сердце
Еще не попал никто!

Но однажды, когда на панелли
Танцевали лучи менует
В Вашем сонном картонном теле
Пробудился весенний бред.

И когда всех милей и краше
Он прицелился вскинув бровь,
Оловянное сердце Ваше
Пронзила его любовь!

Огонек синевато-звонкий . . .
И под музыку, крик и гам
Ваше сердце на нитке тонкой
Покатилось к его ногам.

А. Вертинский

ЛЮБОВЬ

Ты проходишь дальними дорогами
В стороне от моего жилья.
За морями, за долами, за порогами
Где-то бродишь ты, Любовь моя.

И тебя, Невесту неневестную,
Тщетно ждет усталая душа.
То взлетая в высоту небесную
То влачась в пыли едва дыша.

Эту жизнь — с печалью и тревогами,
Наших будней нищего былья,
Ты обходишь дальними дорогами
В стороне от нашего жилья.

Париж, 1934.

Н. Новиков

ДЕВОЧКА С МОРЯ

Девочка тонкие ножки в море мочила,
Девочка тихо-тихонько что-то у моря просила . . .
Первую тайну вверяла свободной стихии
Мягко волны катились . . . Ласкаясь . . . Живые.

Море звенело, играло, струилось и пело
Морю до девочки, не было дела,
Но улыбаяся — голые ножки ее целовало
И обещало целуя — все обещало . . .

А. Блок

В ГОЛУБОЙ ДАЛЕКОЙ СПАЛЕНКЕ

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Все как было, только странная
Воцарилась тишина . . .
И в окне твоем туманная
Только улица видна.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна,
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

А потом, едва заметная,
Синий полог подняла,
И, как время беспросветная
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спаленке,
Синий сумрак и покой:
Потому что карлик маленький
Держит маятник рукой.

А. Вертинский

БАЛЛАДА О СЕДОЙ ГОСПОЖЕ

I

Ах, как печальна луна . . .
Ах, как томит тишина.
И людьми забыт,
Старый замок спит.
Уж двенадцать лет
Как погас в нем свет.

Осень в смертельном бреду
Листья хоронит в саду.
И в огнях зарниц
Стаи черных птиц
Как монахи тьмы
Голосят псалмы.

А в замке бродит чуть дрожа
Его Седая Госпожа.
Еще не хочет умирать,
Еще не может отогнать
Милых призраков давних лет
Тех кого уж нет.

Чей след,
Тихо стерли года
Уходят навсегда.
Чей задумчивый вид,
Этот замок хранит.
Кто был убит,
Кто был зарыт,
Но не забыт.

Шелестят вспоминая объятья
В гардеробах усопшие платья...
А в камине поет зола,
Что любовь, как и жизнь, ушла...

II

Чей это голос: «Встречай...
Спит Ваш седой попугай,
Кто же Вас позвал...
Из глуби зеркал?
Кто же Вам сказал:
«Я приду... на бал...?

Вот два прибора на столе,
И розы в белом хрустале
И канделябры зажжены
И Вы особенно нежны
В этом платье «Antoinette».
А его все нет
И нет... и нет.

И старик мажордом,
Пожимая плечом
Наливая вино,
Уже плачет давно...

Сумев понять
Не смев сказать
Уходит спать.....
. . . .

Это смерть погасивши свечи
Вас так нежно целует в плечи,
Это смерть подает манто.
Это смерть Вас зовет в ничто . . .

Польша, 1922.

А. Вертинский

ГУД-БАЙ

Марлэн Дитрих

Вас не трудно полюбить,
Нужно только храбрым быть
Все сносить, не рваться в бой
И не плакать над судьбой.

Надо розы приносить —
И всегда влюбленным быть,
Не грустить, не ревновать
Улыбаться и вздыхать.

Надо Вас боготворить
Ваши фильмы вслух хвалить,
И смотреть по двадцать раз

Как актер целует Вас.
Прижимая невзначай . . .
Гуд-бай.

Все журналы покупать,
Все портреты вырезать
Все, что пишется о Вас
Наизусть учить тотчас.

Попугая не дразнить
С камеристкой в дружбе жить,
Чистить щеточкой «Bijou»
И водить гулять Жужу.

На ночь — надо Вам попеть
С поцелуями раздеть
Притушить кругом огни
Завтра съемка ... ни-ни-ни.
И сказать сваривши чай:
Гуд-бай ...

Если Вас зовут друзья
Значит — приглашен и я?
Говорить что нездоров.
Избегать директоров
И ссылаясь на мигрень
Уходить подальше — в тень.

Ожидая Вас — не спать.
В телефон — не проверять
Не совать свой нос в «дела»
Приставая: «Где была?»

И когда под утро — злой
Вы приедете домой, —
Не вылазить на крыльцо
Сделать милое лицо,
Замолчи Жужу! Не лай! ..
Гуд-бай ...

Так проживши года три
Потерять свое эспри
Постареть на десять лет
И остаться другом? .. Нет.

Чтоб какой-нибудь прохвост,
Наступивши мне на хвост
Начал роль мою играть,
И меня изображать? . .

Нет. Уж лучше в нужный срок
Медленно взвести курок —
И сказать любви: Прощай! . .
Гуд-бай.

Холливуд, Калифония.
Июль 1935.

А. Вертинский

ПРОЩАНЬЕ

Селине Тычинской

С большою нежностью, ибо скоро уйду от всех
Я часто думаю: кому достанется Ваш звонкий смех?
И нежная гамма тончайших чувств, и юного сердца пыл
И Вашего тела розовый куст — который я так любил.

И диких фантазий капризный взлет,
И милых ошибок рой,
И Ваш иронический горький рот
Смеявшийся над собой.

И все Ваши страсти и все грехи
Над безднами чувств скользя
И письма мои и мои стихи
Которых забыть нельзя!

И кто победит? Кто соперник мой?
Придет «фаворит» иль «фукс»
И кто он будет, — поэт, герой иль «Жиголо де
Люкс»?

И как нибудь утром снимая фрак,
Кладя гардению в лед
Сумеет ли он, — мой бедный враг,
Пустить себе пулю в рот?

Потому что не надо срывать цветов
И в клетках томить птиц,
Потому что нельзя удержать любовь
Упав перед нею ниц.

А. Вертинский

ПАНИХИДА ХРУСТАЛЬНАЯ

Вспоминайте мой друг это кладбище дальнее,
Где душе Вашей больно-больной
Вы найдете когда-нибудь место нейтральное
И последний астральный покой.

Там поют соловьи панихиды хрустальные
Там в Пасхальную ночь у берез
Под, церковного звона, аккорды финальные
Тихо сходит к усопшим Христос.

Там, в любовь расцвела наша встреча печальная
Обручальной молитвой сердец
Там звучала торжественно клятва прощальная
И нелепый печальный конец.

И когда догорят Ваши свечи венчальные
Погребальные свечи мои.
Отпоют надо мной панихиды хрустальные
Беспечальной весной соловьи.

ВАШИ ПАЛЬЦЫ

Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо нам.
Никого теперь не жаль.

И когда Весенней Вестницей
Вы пойдете в синий край
Сам Господь по белой лестнице
Поведет Вас в светлый рай.

Тихо шепчет дьякон седенький,
За поклоном бьет поклон,
И метет бородкой реденькой
Вековую пыль с икон.

Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль,
Ничего теперь не надо нам,
Никого теперь не жаль.

А. Вертинский

КИТАЙ

Над Желтой рекою — незрячее белое небо . . .
Дрожат паруса, — крылья ветром расстрелянных птиц
И коршун летит . . . и наверное думает «где бы
Укрыться от этого зноя, от этой тоски без границ».

Да — этой тоски . . . неживого былого Китая
Тоски Императоров, Мертвых Династий и сил
Уснувших Богов, и безлюдья края до края
Где дремлют века у подножий Великих Могил.

А в пустых городах — закаленные в мудром Талмуде
Терпеливо торгуют — евреи, снуют англичане спеша
Итальянцы и немцы и разные белые люди
Покорители Мира, купцы и ловцы барыша.

Но в расщелинах глаз, но в покорной улыбке Китая
Дремлют тихие змеи и молнии дальних зарниц
И когда нибудь грянет гроза, и застонет земля сотрясая
Вековое безмолвье Великих Священных гробниц.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ:

стр.

стр.

СТИХИ:

Книгоиздательство, Центральный книжный склад Зарубежных изданий и книжные магазины
Victor Kamkin, Inc.
2902—2906 — 14th Street, N.W.
Washington 9, D.C.

Собственные издания:

1.	Аверченко, Аркадий — Избранное. 176 стр.	2.00
2.	Вертинский, Ал. — Песни и стихи. 96 стр.	1.25
3.	Гумилев, Н. — Полное собрание сочинений в 4 томах. Том I. 350 стр	3.50
4.	Петров, Виктор — Албазинцы в Китае . .	0.50
5.	„ „ Китайские рассказы. 58 стр.	0.85
6.	„ „ Сага форта Рос. кн. 1. 182 стр.	1.85
7.	Робсман, В. — Царство тьмы. Очерки и рассказы	1.50
8.	Соловьев, Всеволод — Сергей Горбатов. 2 кн.	4.50
9.	„ „ Вольтерьянец. 2 кн.	5.00
10.	Филиппов, Б. — Кресты и перекрестки . .	1.50

Учебные пособия:

11.	Николаевский, А. — Четыре сезона года. (Рассказы с англ. переводом)	0.35
12.	Петров, В. д-р. — Geography of the Soviet Union Electric Power	1.25
13.	„ „ Soviet Industry . . .	1.25
14.	„ „ Energy Resources . . .	1.50

Печатаются:

15. Альтшуллер, Г. — Дело Тверитинова. Исторический роман в двух книгах.
16. Соловьев, В. — Старый дом. Продолжение романа Вольтерьянец, в двух книгах.
17. Шпаковский, А. —На путях жизни и мысли. Стихи.

Готовятся к печати:

18. Петров, Виктор. — Сага форта Росс., кн. 2.
19. Маевский, Вл. проф. — Исторические очерки.
20. Гумилев, Н. — Полное собрание сочинений, том 2.